

Ли Сон Юнь встал рано и записался на обмывание клейма в больнице, как только получил документы о разводе.

Единственным способом для омеги получить право на процедуру было свидетельство о разводе.

Бай Чжи сказал ему, что некоторые правила должны быть изменены, например, требование о разводе в течение одного года можно изменить таким образом, что если омега готов обратиться в юридическое учреждение, чтобы его пожизненный маркер был удален, то это будет доказательством того, что отношения пары разрушились, так как способность омеги преодолеть свой инстинкт, чтобы его маркер был удален, уже указывает на то, что он достиг невыносимой точки.

Бай Чжи обсуждал с Тан Баем последствия этого вопроса и услышал, что они собираются начать исследовать данные о том, когда омега инициирует развод.

Чем выше уровень альфы, пометившей его, тем больше повреждений он получит, как, например, метка, оставленная Гу Мянem, которую ему пришлось отмывать четыре раза, прежде чем она стала совершенно чистой.

В сопровождении Цзян Юйвэнь Ли Сон Юнь лег на операционный стол, и в его тело ввели анестетик.

В его сне это была его брачная ночь с Гу Мянem, красные подушки и красные простыни. Гу Мянь коснулся его глаз и прокомментировал: "Красный цвет тебе очень идет".

Процесс прижизненной маркировки длится долго, в это время омега не имеет ничего, больше похож на артефакт вынашивания, чем на человека.

Он чувствовал, как его достоинство и личность мало-помалу разрушаются в процессе маркировки, а Гу Мянь не целовал его, не прикасался к нему, а просто покорно наблюдал за всем процессом его подчинения.

На следующий день он надел красное платье, подпоясанное белоснежной винтажной кружевной рубашкой.

Он ожидал комплимента от Гу Мяня, но потом услышал, как Гу Мянь сказал: "Следи за своей формой одежды, выбрось все кружевные элементы и не носи слишком яркие цвета".

"Укус" этого момента пробудил его от сна.

"Операция прошла успешно, повторная чистка маркеров будет проведена через неделю, послеоперационные меры предосторожности" После того, как врач все объяснил и ушел, Ли Сон Юнь лег на кровать, болезненная боль после анестезии охватила его, заставляя тело

непроизвольно дрожать.

Цзян Ювэнь был в ужасе и крепко схватил его за руку: "Сон Юнь, как ты? Тебе тяжело?"

Руки Ли Сон Юня вспотели, а в глазах Цзян Ювэня он увидел жалкую бледную версию себя.

И все же он чувствовал себя в лучшем расположении духа, чем когда-либо прежде.

Собирать обратно разрушенную самооценку и личность должно быть больно, не так ли?

Ли Сон Юнь слегка улыбнулся и вернул руку Цзян Юй Вэню, мягко сказав: "Я в порядке, Юй Вэнь, я хочу пойти купить одежду".

"Давай!" Цзян Ювэнь вспомнил, как обычно одевается Ли Сон Юнь, и уже собирался назвать несколько брендов, которые могли бы понравиться Ли Сон Юню, как услышал, что Ли Сон Юнь добавил: "Я хочу красную одежду".

*

Гу Мянэ стоял у входа в школу и ждал, когда Гу Пэйфэна отпустят из школы, так как он впервые забирал его из школы, потому что окончание занятий совпало с окончанием военной службы.

Он передал Гу Пэйфэна под опеку Ли Сон Юня в соответствии с его пожеланиями, а также разделил половину имущества Гу Мянэ на его имя с Ли Сон Юнем.

Когда Ли Сон Юнь спросил его, почему, он ответил, что эта часть предназначалась для Гу Пэйфэна.

Ожидание у ворот школы было немного долгим, класс Гу Пэйфэна не ушел в 4:30, как было предусмотрено, Гу Мянэ постоял еще немного и увидел несколько классов учеников, выстроившихся в очередь на выход.

Окружающие родители говорили о домашнем задании своих детей, о том, что есть перфокарты для выполнения заданий, перфокарты для скакалки и перфокарты для чтения, жалуясь, что родители теперь устают больше, чем дети, обучая их, говоря, что им никогда не приходилось делать эти вещи, когда они были в школе.

Другие родители сказали, что им не повезло, что они попали на родительский дежурство и завтра им придется стоять весь день, а еще один родитель сказал, что его выбрали для участия в уборке класса.

Гу Мянью не был знаком с содержанием этих разговоров; он никогда не слышал, чтобы Ли Сон Юнь упоминал о них раньше.

"Ему нужно зачать четверых детей, терпеть отсутствие мужа во время беременности, терпеть отсутствие мужа на этапе воспитания детей и терпеть отсутствие мужа во время всего того, какими вырастают дети".

"Слушай, это 1 класс 5-го года обучения?". "Наконец-то он вышел!"

Гу Мянью стоял в толпе, он увидел Гу Пэйфэна, стоящего в середине очереди, не очень высокого роста, он не нашел этого ребенка с первого взгляда.

Этот ребенок шел с опущенной головой и поднял ее только тогда, когда был уже почти у входа в школу. Гу Мянью заметил, что глаза Гу Пэйфэна немного опухли, как будто он плакал.

Он всегда считал, что Гу Пэйфэн слишком мягкий, слабый и прожорливый, не такой, как ребенок из семьи Гу.

Затем он подумал, что бета может быть таким же.

Гу Пэйфэн, казалось, смотрел на него, но не узнал его. Он увидел, как Гу Пэйфэн машет рукой ученикам вокруг него, когда тот вышел из школы и побежал в другом направлении.

Среди толпы людей его глаза проследили за Гу Пэйфэном и, наконец, остановились на Ли Сон Юне, который был одет в красное.

На мгновение Гу Мянью не узнал в нем Ли Сон Юня.

Ли Сон Юнь был одет в черную шляпу с вуалью, кружевная вуаль скрывала его яркую улыбку и теплые красные глаза.

Некоторые люди носят красный цвет, чтобы быть вульгарными или грубыми, но на теле Ли Сон Юня правильный красный цвет показывал его спокойствие и достоинство.

Вечернее солнце опускалось на небо, отражаясь в серо-голубых глазах Гу Мянью, словно пламя свечи, опрокинутое в ночь.

Он чувствовал, как часть следа, оставленного им на всю жизнь на Ли Сон Юне, стирается.

Это осознание заставило его почувствовать, как будто из его сердца вырвали кусок.

Наконец он с полной ясностью осознал, что Ли Сон Юнь никогда не вернется.

*

"Дядя Ли отправился в больницу, чтобы ему смыли клеймо на всю жизнь". Тан Бай сидел в театре и покусывал ухо Се Рухэна: "Мама сказала, что дядя Ли выглядит очень плохо, мол, он даже не был в таком плохом состоянии, когда рожал".

"Это так больно - смывать с себя клеймо на всю жизнь". Тан Бай прошептал: "Процесс формирования пожизненной метки тоже причиняет боль".

Тан Бай видел схему образования узлов на уроке физиологии, и он чувствовал, что альфа действительно был немного извращенцем, когда дело касалось пожизненных маркеров.

Се Рухэн посмотрел на встревоженного Тан Бая, маленького омегу с нежной кожей, которого можно было бы отщипнуть от воды, взгляд, который никогда не страдал с детства, если бы существовала реальная версия "принцессы на горошине", то Тан Бай сыграла бы эту роль очень убедительно.

Се Рухэн взял Тан Бая за руку, задумался на мгновение, и, словно что-то решив, тихо сказал: "Значит, с этого момента я не буду клеймить тебя на всю жизнь?".

Тан Бай: "?"

Тан Бай удивленно повернул голову и встретился с серьезными глазами феникса Се Рухэна.

"Брат Се, ты серьезно?" Тан Бай недоверчиво сказал: "Я слышал, что у вас, альфа, есть сильная одержимость пометкой омега на всю жизнь".

Омега, помеченный на всю жизнь, становился покорным альфе и не мог послушаться другого, когда альфа выпускал свои феромоны, и говорили, что после того, как альфа с экстремальным соответствием пометил омегу, неважно, какие чрезмерные вещи делал альфа, пока феромоны были выпущены, омега не мог оставить другого, даже если ему приходилось ползти к нему.

Эффект взаимный, для альфы это собственничество и защита, для омеги - покорность и привязанность.

Тан Бай не обращался в профессиональное учреждение, чтобы проверить соответствие между собой и феромонами Се Рухэна, но он чувствовал, что у них двоих должно быть довольно высокое соответствие.

В период восприимчивости Се Рухэна его эмоциональная симпатия к Се Рухэну и желание

удовлетворить ее - это один аспект, а воздействие феромонов на его тело - еще один очень важный аспект.

Тан Бай и Се Рухэн некоторое время смотрели друг на друга и обнаружили, что эти глаза феникса были настолько искренними, что Се Рухэн сказал ему: "Фальшивка".

Тан Бай: "????? Что это с тобой такое?"

"Я не могу избавить тебя от боли, которую ты испытываешь, когда тебя отмечают на всю жизнь, - заверил Се Рухэн мягким голосом, - но я избавлю тебя от боли при стирании метки".

Тан Бай мог почувствовать, что Се Рухэн был серьезен в это время, и его тон был настолько уверенным, что он не мог не спросить: "Как ты можешь гарантировать, что мне не придется стирать свои метки в будущем?".

"Если я встречу кого-то, кто мне понравится больше", - Тан Бай инстинктивно чувствовал опасность в этих постепенно сужающихся глазах феникса, но с тех пор, как он встретил Се Рухэна и до сих пор, Се Рухэн никогда не делал ничего чрезмерного по отношению к нему, и внезапно увидев эту сторону Се Рухэна, Тан Бай нашел ее довольно захватывающей.

У Тан Бая хватило смелости сказать: "А как насчет желания попробовать новый роман?".

Кинотеатр был тускло освещен, и эти темные глаза казались похожими на переливающиеся чернила, в которых невозможно было разглядеть никаких эмоций.

"Я верну тебя обратно".

Первоначальная хватка на его руке медленно ослабла, и ладонь беззвучно накрыла его шею, настойчиво прижимаясь к железам.

"А потом снова помечу тебя".

Железы Тан Бая были чувствительны, и одно поглаживание грубыми пальцами вызывало электрическое покалывание, его ресницы затрепетали, а глаза слегка расширились.

Теплое прикосновение коснулось мочки его уха.

Се Рухэн нежно покусывал мочку уха Тан Бая, его низкий, тусклый и медленный голос звучал в его ухе: "Продолжай ставить метки, ставь метки, пока не осмелишься смыть их".

Он говорил медленно и четко, депрессия и ужас в процессе постоянного мечения были

изложены в одном коротком предложении.

Тан Бай прикрыл мочку уха и с опаской посмотрел в затуманенные глаза феникса, он проглотил полный рот слюны: "Правда?".

Глаза феникса изогнулись и вспыхнули беспомощной улыбкой, Се Рухэн сказал мягким тоном: "Фальшивка".

Он не знал, каким бы он был, если бы действительно сошел с ума.

Но если то, что он собирался сделать, могло навредить Тан Баю, он все равно не мог оставить это без внимания.

Тан Бай потер уши и кротко согласился: "Давай просто продолжим смотреть фильм".

Это был романтический фильм, в котором герой-омега не мог пройти уже зрелую процедуру стирания метки из-за неразвитых желез, что означало, что он может пройти процедуру прижизненной метки только один раз в жизни.

Герой боится связывать свою жизнь с героем, опасаясь, что не узнает нужного человека и будет доверен не тому.

Не зная о секрете героини, герой и героиня ведут серию уморительных переписок о маркере жизни.

В этот момент фильма герой ошибочно полагает, что героиня боится боли, он идет в больницу, чтобы испытать боль пожизненной отметки, болит так сильно, что его тигриные глаза в слезах, и возвращается к героине и говорит:

"Я ходил в больницу и я все понял".

Некоторые люди в кинотеатре рассмеялись, когда Тан Бай бросил попкорн в рот, говоря: "Брат Се, хотя пожизненная метка и болезненна, но если этот человек - ты".

Се Рухэн повернул голову, посмотрел на Тан Бая и пробормотал: "Я не думаю, что это проблема".

"Если к тому времени я действительно буду плакать от боли, просто не забудь поцеловать меня".